ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК // АРТЕМ ВЕРЕСОВ

ВТОРОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

BW

B W

Второе измерение

«Автор»
2026

W B.

Второе измерение / B. W — «Автор», 2026

Полис - город, где не бывает боли, тоски и неразрешённых конфликтов. Климат-контроль выравнивает влажность, а сенсорные капсулы «Катарсиса» за пятнадцать минут снимают любую душевную тяжесть. Индекс удовлетворённости держится на отметке 94,2%. Эта книга - о цене комфорта, о языке как инструменте контроля и о том, что иногда единственный способ остаться человеком - позволить себе быть неудобным. Для тех, кто помнит, что счастье не обязано быть по расписанию.

© W B., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Акт I. Режим одного окна 7
Глава 1. Сервис на лайте 7
Запись 01. 13 октября, 19:10 7
Запись 02. 13 октября, 21:15 9
Запись 03. 14 октября, 01:10 10
Запись 04. 16 октября, 13:20 11
Глава 2. Запаянный пузырь 12
Запись 05. 17 октября, 11:20 12
Запись 06. 17 октября, 22:40 13
Запись 07. 18 октября, 19:05 13
Запись 08. 19 октября, 10:15 14
Запись 09. 19 октября, 15:40 14
Запись 10. 19 октября, 23:10 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

B W
Второе измерение

Второе измерение
Дневник Артёма Вересова
Автор: BW

Содержание

- **Акт I. Режим одного окна 3 стр.**
- Глава 1. Сервис на лайте
- Глава 2. Запаянный пузырь
- Глава 3. Дофаминовый фастфуд
- Глава 4. Бан-лист для смыслов
- **Акт II. Мышление на автопилоте 42 стр.**
- Глава 5. Логика бага
- Глава 6. Автопилот для желаний
- Глава 7. Токсичный позитив
- **Акт III. Право на офлайн 67 стр.**
- Глава 8. Взлом повестки
- Глава 9. Выйти из чата

Акт I. Режим одного окна

Глава 1. Сервис на лайте

Запись 01. 13 октября, 19:10

Начну фиксировать рабочие наблюдения здесь, в локальной памяти старого планшета. Облачный блокнот вчера опять предложил «оптимизировать тон заметки до нейтрально-позитивного». Это раздражает. По регламенту они правы: лишняя эмоциональная окраска портит точность формулировок. Пусть хотя бы этот файл останется чистым от автокоррекции.

Меня зовут Вересов Артём Сергеевич, мне тридцать один, и последние пять лет я занимаюсь автоматической модерацией городского языка в Департаменте коммуникаций. Звучит скучновато, но на практике мы убираем из публичной речи слова, которые вызывают лишнюю тревожность и не переводятся в измеримые метрики. Проще говоря, чиним коммуникацию, чтобы город не тратил энергию на пустые конфликты.

В семь утра кондиционер выровнял влажность в моей квартире до сорока восьми процентов, кофемашина беззвучно сдвинула чашку на край стойки. Я по привычке поправил переносицу — пальцы всё ещё ищут оправу очков, хотя лазерную коррекцию мне сделали шесть лет назад — и вывел на стекло шкафа утреннюю сводку.

Город спал спокойно. Индекс удовлетворённости держался на отметке девяносто четыре целых и две десятых процента. Пробки на эстакадах рассосались за счёт плавного сдвига рабочих графиков, а в утренней ленте второй день спорили, какой оттенок серого лучше подходит для новых шумозащитных экранов: «туманный сланец» или «спокойный графит». Спорили до хрипоты — кидали друг в друга графики, крутили опросы, тащили в комменты знакомых урбанистов. В ленте любили такие споры: цвет, оттенок, процент. Стоило кому-нибудь спросить, зачем экраны поставили вдоль жилых кварталов, обсуждение исчезало из выдачи через минуту.

До департамента я добирался на кольцевом шаттле. В вагоне стояла та самая утренняя тишина, к которой быстро привыкаешь, как к тёплому полу в ванной. Пассажиры смотрели в прозрачные панели окон, где поверх пасмурного неба бежали персональные подсказки: кому-то советовали сменить ортопедическую подушку, кому-то предлагали промокод на вечерний релакс-сеанс. Никто не толкался, никто не повышал голос, и даже в час пик на автоматических дверях не оставалось следов дыхания.

Напротив меня сидела девушка лет двадцати в бежевом худи с капюшоном. Она листала утреннюю ленту, и каждые десять секунд её большой палец делал короткое, одинаковое движение снизу вверх. Лицо было бесстрастным, как экран в спящем режиме: ни скуки, ни злости, ни радости. Когда шаттл плавно затормозил у башни Департамента, она не сразу подняла глаза — будто проверяла по ленте, на той ли остановке ей положено выйти.

В восемь тридцать я поднялся на восемнадцатый этаж. В нашем крыле пахло озоном и свежей бумагой, хотя бумажных документов давно не печатали — аромат добавляли через общую вентиляцию для «ощущения деловой сосредоточенности». На планёрке наш руководитель, Соболев Марк Леонидович, перекинул мне кейс № 408-Б с пометкой «автоматическая модерация».

Марк Леонидович в свои сорок шесть выглядит как человек, у которого никогда не сбивается пульс. Безупречный серый кардиган без лацканов, размеренный негромкий голос, при-

вычка слушать собеседника чуть наклонив голову, словно он врач, который заранее знает диагноз и просто ждёт, пока пациент договорит.

— Посмотрите, Артём Сергеевич, — сказал он, поправляя манжеты. — Гражданин Громов Павел Игоревич, сорок два года, старший техник котельной. Трижды отклонил бесплатный пакет реновации жилья и замену ортопедического матраса.

— В форме обратной связи не выбрал ни один из двенадцати вариантов причины. Просто вписал в поле «Другое» слово, которое программа не распознала как аргумент.

Я открыл карточку. В графе отказа стояло: *«Хватит»*.

— Никакой агрессии в истории обращений нет, — добавил Марк Леонидович, заглядывая ко мне через плечо. — Штрафов нет, коммунальные платежи проходят вовремя, кредитный рейтинг чистый.

— Но такой ответ нельзя классифицировать: алгоритм не понимает, что именно гражданину «хватит» — громкости уведомлений, цвета стен или самого факта предложения. А неклассифицированный отказ портит квартальную статистику. Съездите к нему вечером, поговорите без протокола, переведите его недовольство на нормальный язык.

— Может, закрыть заявку как технический сбой? — спросил я, пролистывая историю адреса. — Человек работает на котельной, у него ночные смены, не до обновлений.

— Нет, Артём Сергеевич, — сдержанно возразил Марк Леонидович. — Если мы начнём списывать осознанные отказы на сбои, модель потеряет чувствительность.

— Сегодня один Громов напишет *«хватит»*, завтра десять человек скопируют формулировку ради мема. Выясните, какой триггер не сработал. У нас лучший сервис в секторе, мы обязаны понимать, почему пользователь от него отворачивается.

Я закрыл папку и кивнул. Задача казалась пустяковой — обычная выездная правка. Но по дороге к своему столу я поймал себя на том, что мысленно повторяю это короткое, неудобное слово, которому в нашем словаре действительно не нашлось ни одного синонима.

Перед тем как уйти с работы, я открыл архив похожих кейсов за последний год. Поисковая строка выдала сорок три карточки с отметкой «неклассифицированный отказ». Я пролистал первые десять: почти везде фигурировали люди старшего возраста или работники старых городских служб — сантехники, архивные техники, монтёры линий связи. Никто из них не выходил на площади, не писал постов и не жаловался в поддержку. Одни отказывались от замены окон, другие — от автоматической доставки продуктов, третьи просили отключить голосового помощника в прихожей.

В каждом деле стояла одинаковая итоговая резолюция: *«Баг адаптации, проведена автоматическая модерация, клиент переведён на базовый профиль»* . После визита куратора повторных отказов не было ни разу — люди соглашались со второго или третьего раза. Интересно, что именно им говорили кураторы на этих встречах, что в отчётах не оставалось ни одной спорной строчки.

На выходе из башни департамента уже темнело. Под ногами шуршал сухой искусственный гравий декоративных газонов, вдоль проспекта мерно гудели светильники с тёплым спектром, настроенным на снижение вечерней тревожности. Я сунул руки в карманы плаща. В этот раз я ехал к человеку без готового шаблона в голове. Просто хотел посмотреть, что он скажет.

В вечернем шаттле до северной границы кольца было почти пусто. За окном однообразные фасады жилых башен постепенно сменились приземистыми кирпичными корпусами довоенной застройки. Здесь не было стеклянных галерей, бегущих строк и датчиков влажности на углах. Казалось, город здесь просто устал поддерживать идеальный фасад и оставил дома доживать свой срок. Я вышел на предпоследней остановке и свернул в узкий проулок.

* * *

Запись 02. 13 октября, 21:15

Поехал к нему лично, без вызова в департамент. Нам запрещено создавать у граждан ощущение проверки — только «сервисная забота».

Квартал Громова старый, ещё дореновационный, из тех, где лифты пахнут не цитрусовым нейтрализатором, а сухим бетоном и чужой обувью. На площадке третьего этажа перегорела одна из двух ламп, и никто не спешил её менять по заявке. Я нажал кнопку звонка — старую, с чуть треснувшим пластиковым ободком.

Дверь открыл мужчина в вытянутой фланелевой рубашке, с крупными, чуть покрасневшими от горячей воды руками. Никакой агрессии, никакого настороженного взгляда. На кухне у него жарился лук — резкий, почти забытый в центре запах, от которого сразу запершило в горле.

— Вересов Артём Сергеевич, Департамент коммуникаций. — Я показал служебный бейдж, стараясь держать тон максимально лёгким. — Павел Игоревич? Я по поводу вашей заявки на отказ от пакета улучшений.

— Проходите, не разувайтесь, — буркнул он, отступая в тесную прихожую. — Пол всё равно мыть завтра. Чай будете? Обычный, в заварнике, капсул не держу.

Я прошёл на кухню. Помещение тесное, но чистое: старый деревянный стол под клеёнкой, алюминиевый чайник на газовой плите, над раковиной — узкое зеркало с потемневшим от времени краем. На столе лежали две деревянные прищепки — не знаю, зачем он их там держал, бельё в городе давно сушат в шкафах.

— Спасибо, я на пять минут. — Я присел на табурет, который коротко скрипнул подо мной. — Павел Игоревич, наша база зафиксировала три отказа.

— Возможно, интерфейс формы показался вам перегруженным? Мы можем подобрать для вас индивидуальный профиль комфорта: другой цвет стен, тихий кондиционер, новый матрас...

Он выключил конфорку, взял полотенце и медленно вытер руки. Потом повернулся ко мне. Взгляд у него был спокойный, чуть усталый, как у человека, который отработал двойную смену и меньше всего на свете хочет спорить с молодым клерком.

— Артём, да? — Он глянул на мой бейдж, отбросив отчество. — Вы мне объясните одну простую вещь: если я не хочу новый матрас, почему я должен выбирать из двенадцати причин, почему я его не хочу?

— Чтобы мы могли скорректировать предложение. Возможно, вам неудобна дата доставки или вас смущает состав наполнителя...

— Мне не нужна доставка, — перебил он без нажима. — У меня нормальная кровать. Скрипит немного, когда поворачиваешься. Я к этому скрипу привык, я по нему слышу, что я дома, а не в гостинице. Понимаете?

Я раскрыл рот, чтобы перевести его слова в штатную категорию — *«баг адаптации: пользователь застрял на старом устройстве, оценки упали»*, — но промолчал. Записать это в протокол значило бы выставить Громова невротиком, которому нужна деликатная терапия и выездная группа поддержки.

— А с ремонтом стен? — попробовал я зайти с другой стороны. — Вам же предлагают бесплатную шумоизоляцию и кондиционер. В этом районе летом душно, а зимой сквозняки.

Громов усмехнулся, достал из навесного шкафа две разные кружки — одну белую, другую тёмно-синюю, со сколотым краем у ручки — и налил кипяток.

— Знаете, Артём, у меня в котельной тридцать человек работают, — сказал он, ставя передо мной кружку со сколотым краем. — Когда я возвращаюсь после двенадцатичасовой смены с труб и вентилей, мне не нужен ваш кондиционер.

— Я сам знаю, где у меня по полу тянет и какой кран подтекает. Придут ваши бригады, зашьют стояки глухими панелями, поставят свои датчики — и мне потом к трубе не подлезть без заявки в три инстанции.

— Но ведь новое оборудование объективно надёжнее, — возразил я, чувствуя, как формулировка звучит по-учебному пресно. — Они сами регулируют температуру и экономят тепло.

— Надёжнее — пока свет не мигнул. — Громов сел напротив и опёрся локтями о клеёнку. — На прошлом квартале ваши мастера поставили автоматические вентили на все трубы.

— В январе вентиль заклинило, жильцы трое суток мёрзли, пока сервер ждал согласования на ручной сброс.

— А у меня здесь всё на виду: вентиль покрутил, прокладку поменял — и порядок. И кровать свою старую я не отдам. Скрипит, зато я точно знаю, на чём лежу.

Я посмотрел на свою кружку. Над сколом темнела тонкая чайная полоска. В квартире у меня не было ни одной сколотой кружки — система автоматической замены посуды списывала треснувшую керамику в переработку ещё до того, как я успевал заметить трещину.

— Так вы просто хотите, чтобы вам ничего не меняли? — уточнил я.

— Я хочу, чтобы от меня отстали со своей заботой, — сказал Громов без злости. — Неужели в вашем компьютере нет кнопки «оставить человека в покое»?

Я не стал допивать чай. Поблагодарил, попрощался и вышел на тёмную лестницу. Пока спускался по бетонным ступенькам, слышал, как за дверью Громова снова щёлкнула газовая конфорка.

* * *

Запись 03. 14 октября, 01:10

В служебном отчёте я поставил галочку: *«Клиент стабилизирован, отказ зафиксирован как техническая пауза, повторное предложение отложено на 90 дней»* . Система приняла формулировку с первого раза. Марк Леонидович, наверное, даже не откроет детализацию — у него в ленте сотни таких закрытых заявок за неделю.

Слишком гладко написал. Перепишу? Нет. Пусть остаётся.

Сижу на кухне. Кондиционер гудит на свои сорок восемь процентов влажности, матрас в спальне идеально распределяет нагрузку, завтра утром кофемашина сама сдвинет чашку к краю стойки. Я обвёл глазами комнату. После пяти лет работы мне пришла странная мысль: в центре всё устроено так, чтобы человек вообще ни обо что не зацепился. Стерильные стены, выхолощенные слова, пресная еда. Пять лет я полировал эти формулировки. Теперь слово «хватит» не выходило из головы.

Когда закрывал крышку старого планшета, внизу экрана мигнула системная строка — отложенный скрипт из скрытого раздела, который остался здесь от Кравцова Ильи Борисовича ещё до его внезапного исчезновения два года назад. Илья Борисович учил меня работать с текстами, когда я только пришёл стажёром, а потом пропал за одну неделю — в кадрах сказали, что он уехал в санаторий на восточном побережье и попросил не беспокоить.

В той же папке лежала старая копия больничной выписки отца. Я не открывал её с тех пор, как пять лет назад прошёл недельный курс в сенсорной капсуле «Катарсиса» — там за пятнадцать минут в день запахами и звуковым фоном снимают острую тяжесть после потерь. Я открыл файл, пролистнул вниз и замер. В графе отказа от перевода в автоматический пансионат стояло отцово: *«Оставьте в покое»*. А строчкой ниже — до боли знакомая резолюция куратора: *«Баг адаптации, проведена стабилизация, клиент переведён на базовый профиль»* . Точно такая же, как в сорока трёх карточках, которые я листал сегодня днём.

На чёрном фоне консоли Кравцова поверх выписки висела одна фраза, без даты и подписи:

«То, что существует, не может быть истинным».

Никаких тегов, никаких метрик, никакого формата для отчёта. Я попробовал кликнуть по строке, чтобы открыть свойства файла, но консоль тут же свернулась и запросила шестизначный ключ доступа. Завтра попробую понять, откуда она взялась и зачем Илья Борисович оставил этот планшет именно мне.

* * *

Запись 04. 16 октября, 13:20

В обеденный перерыв заглянул в общий кадровый справочник — из любопытства, без запроса на допуск. Набрал в поиске: *Кравцов Илья Борисович*. Система выдала серую плашку: «Сотрудник переведён в архивный резерв, контактные данные скрыты по запросу владельца». Обычная формулировка для тех, кто вышел на пенсию или сменил регион.

Когда я выходил из столовой с подносом, в коридоре меня догнал Марк Леонидович.

— Всё нормально по Громову, Артём Сергеевич? — спросил он, придерживая для меня высокую дверь. — Видел, что вы поставили паузу на девяносто дней.

— Да, обычный бытовой консерватизм, — ответил я, не меняя тона. — Человек привязан к старой мебели, не хочет лишней суеты. Через три месяца предложим ему щадящее обновление без замены кровати.

— Вот и отлично, — кивнул Марк Леонидович. — Главное — не давить. Когда пользователь чувствует давление, он уходит в глухую оборону.

— А когда он думает, что решение принял сам, алгоритм работает без сбоев. Кстати, после обеда скину вам новый кейс. Там будет поинтереснее: уличная тусовка, которая называет себя оппозицией.

Он ушёл в сторону лифтов, а я ещё минуту стоял у окна, глядя на стройные ряды белых шаттлов внизу. Вчера я бы даже не задумался, почему у нас в одном здании соседствуют отдел автоматической модерации языка и кураторство уличного протеста. Сегодня почему-то задумался.

Глава 2. Запаянный пузырь

Запись 05. 17 октября, 11:20

Три дня не открывал скрытый раздел планшета. Убеждал себя, что фраза Кравцова — случайный обрывок старой философской статьи, который он забыл удалить перед списанием устройства. На работе хватает и живых задач: Марк Леонидович переключил меня на аудит уличной группы «Свободный контур».

Ребята шумные. Каждую среду и пятницу они выходят на площадь у Стеклянного моста с транспарантами, требуют «вернуть право на недовольство» и раздают листовки на переработанной бумаге. Бумага шершавая, пахнет старой типографской краской — я даже взял одну, когда проходил мимо месяц назад, и сунул в карман плаща. Координатора у них зовут Мальцев Денис Олегович: энергичный парень лет двадцати пяти, в яркой оранжевой ветровке, всегда с мегафоном и двумя операторами, которые тут же нарезают его речи на короткие вертикальные ролики для городской ленты.

Сегодня утром Марк Леонидович попросил меня составить для «Контура» обновлённый глоссарий лозунгов на ноябрь.

— Зачем нам редактировать их листовки? — спросил я, стоя у стеклянной доски с графиками вовлечённости.

Марк Леонидович не отрывался от планшета. На экране ползли две кривые: зелёная — общий индекс спокойствия по центру города, синяя — активность «Свободного контура» в сетях. Когда синяя поднималась на пару пунктов, зелёная выравнивалась ещё ровнее, как струна под натяжением.

— Чтобы не уходили в неконструктивную лексику, Артём Сергеевич, — ответил он, не повышая голоса. — Люди должны где-то спускать пар. Если у гражданина есть легальный канал несогласия, он не ищет нелегальный.

— В прошлом квартале «Контур» собрал тридцать тысяч подписей против слишком яркой ночной подсветки парков. Мы убавили яркость на двенадцать процентов. Все довольны: активисты празднуют победу, департамент сэкономил мегаватты, рейтинг доверия мэрии вырос на полтора пункта.

— И Мальцев в курсе, что его бюджет идёт через наш второй грантовый фонд?

Марк Леонидович поднял глаза и чуть заметно улыбнулся — так улыбаются стажёру, который наконец разобрался в таблице умножения корпорации.

— Координатор в курсе. Денис Олегович — толковый менеджер, у него отличный охват среди молодёжи. Остальным участникам полезнее верить, что они идут против течения. Иначе исчезнет сама соль участия, а без неё они начнут скучать и придумывать что-нибудь похуже фонарей.

Я вернулся за свой стол и открыл папку с их прошлыми текстами. Везде стояли аккуратные правки красным: слово *«диктат»* заменено на *«избыточная регуляция»*, слово *«цензура»* — на *«приоритетная фильтрация»*, *«ложь»* — на *«информационный перекос»*. Даже гнев у них был причёсан так, чтобы не оставлять царапин на ушах.

* * *

Запись 06. 17 октября, 22:40

Вечером, вернувшись домой, всё-таки достал старый планшет. Попробовал ввести дату рождения Ильи Борисовича, номер его старого пропуска, год основания нашего отдела — консоль трижды мигнула красным и заблокировала ввод на десять минут.

Пока ждал разблокировки, открыл утренний файл с лозунгами «Свободного контура». Я должен был написать к понедельнику десять новых кричалок против «чрезмерной стандартизации уличного освещения» и «однообразия лавочек на набережной». Впервые в жизни у меня не складывались слова. То, что ещё неделю назад казалось мне остроумной игрой с аудиторией, сейчас напоминало попытку проветрить герметичную банку, открывая крышку внутри той же банки.

Потом я попробовал ввести пароль, который Илья Борисович когда-то называл в шутку «главным вопросом лингвиста» — слово *«вопреки»* латиницей. Не подошло. Но перед тем как экран погас, в нижней строке мелькнул лог последнего изменения файла: дата стояла за два дня до его исчезновения. Значит, он готовил этот раздел специально перед уходом.

* * *

Запись 07. 18 октября, 19:05

Вечером дошёл до Стеклянного моста. Было сыро, октябрьская морось оседала на воротнике мелкой холодной пылью. У перил стояло человек сорок — в ярких непромокаемых дождевиках, с картонными табличками и термостаканами. Напротив них дежурили двое муниципальных патрульных в светлых куртках, но они даже не смотрели на митингующих — пили кофе из автомата и обсуждали вчерашний матч.

Мальцев Денис Олегович, в той самой оранжевой ветровке, говорил в мегафон о том, что нельзя заливать аллеи лишним светом и закатывать весь город в одинаковую плитку. Голос у него был поставленный, с лёгкой хрипотцой, которая отлично ложится на микрофон.

Толпа дружно хлопала. Рядом со мной пожилая женщина в бежевом берете прихлёбывала горячий бульон из термостакана и кивала в такт лозунгам. Когда Денис Олегович закончил, молодые ребята в дождевиках тут же свернули плакаты, сфотографировались на фоне моста для отчётных сторис и начали расходиться к метро.

К Мальцеву подошёл мужчина в сером плаще без опознавательных знаков — я узнал в нём заместителя руководителя из нашего соседнего управления, кажется, фамилия у него была Рогов. Они коротко пожали руки, Рогов кивнул в сторону операторов, и оба свернули в кофейню за углом.

Я остался стоять у перил. Достал из кармана ту самую шершавую листовку, которую взял месяц назад. Поднёс поближе к фонарю. В самом низу, мелким техническим шрифтом, стоял номер разрешения на печать — серия совпадала с нашими внутренними бланками. Даже переработанная бумага, которой так гордились активисты, была одобрена и оплачена отделом экологии мэрии.

Вернулся домой, открыл служебную базу и сравнил списки требований «Контура» за последний год с нашими квартальными планами оптимизации. Совпадение восемьдесят семь процентов. Они требовали именно то, что департамент и так собирался внедрить ради экономии бюджета, только чуть громче, с барабанами и чувством выполненного гражданского долга.

Я положил листовку рядом с планшетом. Снаружи всё выглядит как борьба. Внутри — запаянный пузырь: два рукава одной трубы, которые переливают воду из одного отсека в другой, чтобы никто не заметил, что кран давно закручен.

* * *

Запись 08. 19 октября, 10:15

Утром отдал Марку Леонидовичу готовый глоссарий для Мальцева. Постарался написать его максимально обтекаемо: про «гибкую среду», «право на локальную идентичность» и «диалог с инфраструктурой». Марк Леонидович пробежал файл глазами, остался доволен и тут же прислал мне новое приглашение в календаре.

— На этой неделе нужно заехать в «Катарсис» на набережной, — сказал он, закрывая встречу. — Это сеть сенсорных салонов, которую ведёт Крон Лидия Андреевна.

— У них третий месяц рекорд по возвращаемости пользователей, но юристы просят проверить тексты сценариев: не перегружают ли они эмоциональный фон. Говорят, она там ставит какую-то старую военную драму. Загляните завтра вечером, посмотрите своими глазами.

Я кивнул. Про Лидию Андреевну Крон я слышал ещё на стажировке — когда-то она играла в последнем живом театре на Большой Садовой, до того как здание отдали под центр цифровой медиации. Интересно, что бывшая актриса делает в индустрии быстрого дофамина.

* * *

Запись 09. 19 октября, 15:40

Решил не ограничиваться бумагами и встретиться с Мальцевым Денисом Олеговичем лично — формально, чтобы согласовать правки в ноябрьских листовках. Он сам назначил место: панорамную кофейню на втором уровне Стеклянного моста, откуда открывается вид на ту самую площадь, где по средам стоят его активисты.

Денис Олегович пришёл без оранжевой ветровки — в дорогом кашемировом пальто и с новым браслетом последней серии. Без мегафона он оказался меньше самого себя: говорил коротко, с паузами, и постоянно проверял статистику охватов на экране часов.

— Артём Сергеевич, рад лично познакомиться. — Он пожал мне руку уверенно, как старому партнёру по бизнесу. — Видел ваши правки по нашему глоссарию.

— Отличная работа, особенно формулировка про «право на локальную идентичность». Заходит на ура: вчера ролик с этой фразой набрал сорок тысяч досмотров до конца.

— Денис Олегович, я хотел спросить напрямую. — Я отодвинул меню, которое услужливо подсветилось на столешнице. — Те сорок человек, которые вчера мёрзли под дождём на мосту... они действительно верят, что борются с мэрией?

Мальцев усмехнулся, размешивая тростниковый сахар в маленькой чашке эспрессо.

— Конечно верят. В этом и заключается моя работа — продавать людям ощущение, что от них что-то зависит. Вы думаете, я их обманываю? Наоборот, я оказываю им важнейшую психологическую услугу.

— Студент, который два часа постоял с картонным плакатом и прокричался в микрофон, приходит домой с чувством выполненного долга. Он чувствует себя гражданином, героем, личностью. И в понедельник идёт на стажировку в корпорацию.

— А если кто-то из них узнает про второй грантовый фонд?

— Не узнает. Да и если узнает — что с того? — Мальцев пожал плечами. — Скажем, что это «партнёрская программа городского аудита». Сейчас люди охотно прощают любые деньги, если им красиво объяснить, что всё делается ради снижения стресса.

— Кстати, у меня на следующий месяц есть идея: давайте запустим петицию за установку дополнительных подогреваемых лавочек в старых кварталах. Я уже проговорил с поставщиками — они готовы проспонсировать митинг.

Я смотрел на его спокойное, ухоженное лицо и понимал, что спорить с ним бесполезно. Он не считал себя предателем или провокатором — он работал в индустрии досуга, где товаром был чужой гнев.

Вечером я снова перечитал заметку Громова из кейса № 408-Б: *«Хватит»*. В поле для пояснений после этого слова стоял пустой прямоугольник. Я поставил курсор внутрь, но ничего не напечатал. Громов не требовал подогреваемых лавочек и не выходил под камеры. Его отказ некуда было продать.

* * *

Запись 10. 19 октября, 23:10

До полуночи копался в открытом архиве муниципальной прессы за последние пятнадцать лет. Хотел понять, в какой момент город стал таким стерильным и предсказуемым.

Оказалось, никакого переворота или жёсткого разгона не было. Двенадцать лет назад в Полисе ещё бастовали транспортники, спорили профсоюзы, выходили десятки независимых газет с колючими заголовками. А потом началась программа «Город без трения». Каждому недовольному вместо штрафа предлагали грант на «конструктивную инициативу», каждую острую тему переводили в онлайн-голосование между двумя безопасными вариантами. Через пять лет старые профсоюзы сами переименовались в «центры карьерного сопровождения», а бывшие бунтари стали модераторами дискуссионных площадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.